

УДК 911.3

СТИГМАТИЗАЦИЯ: ОСНОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Кузин В. Ю.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация

E-mail: vadim-13.06@yandex.ru

В статье рассматривается специфическое социальное явление, нашедшее отражение в пространстве — стигматизация. Раскрывается её дефиниция, история изучения и специфика исследования в социальных науках и в пространственном аспекте. Отмечены этапы формирования и общие черты стигматизированных территорий. Выделены и раскрыты меры, направленные на преодоление или смягчение территориальной стигматизации. Приведен краткий обзор работ, в которых исследовался вопрос стигматизации в пространстве. Особо подчеркивается объективность проявления территориальной стигматизации. Также указано на связь этого явления с такими пространственными процессами как периферизация, маргинализация, поляризация, метрополизация, сегрегация городского пространства. Отмечается высокая потенциальная значимость изучения стигматизации в общественно-географических исследованиях в рамках активно проявляющих себя в современном мире процессах пространственного неравенства.

Ключевые слова: стигматизация, социум, фактор, субъективность, исследования, развитие, пространство, поляризация, сегрегация, общественная география.

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическое развитие неизбежно детерминировано социумом. Многообразные и разноречивые связи внутри него консолидируют и разделяют различные страты и группы. Длительный негативный характер различных социальных процессов продуцирует не только социальные конфликты, но и, отражается в пространстве в форме маргинализации. Под её влиянием локалитеты приобретают устойчивую нисходящую динамику социально-экономических процессов, что закрепляет их периферийный статус и узкий спектр возможностей и путей развития. При этом изначальные социальные факторы могут иметь как объективный, так и субъективный характеры. И, несмотря на кажущуюся аморфность последнего, именно он в современном мире часто способствует закреплению периферийного статуса территории.

Осуществляется это по средствам своеобразного маркирования-клеймения, получившего в научной литературе наименование стигматизация. Данный процесс был выделен и исследовался довольно давно (как минимум — с 1960-х годов), однако именно в глобализованном современном мире он начал рельефно проявляться именно в пространственном аспекте. Это требует его изучения в методологических рамках социально-экономической (общественной) географии.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению этого актуального вопроса в контексте данной науки, необходимо кратко остановиться на социальных исследованиях, проводившихся социологами, психологами, философами.

1. СТИГМАТИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Под стигматизацией понимается многоплановый социально-культурный феномен, возникающий в результате взаимодействия социальной группы или общности, при котором происходит выделение индивидуумов или отдельных групп на основе символически выраженных внешних признаков с последующим навешиванием социальных ярлыков — «социальное клеймение». Наличие таких ярлыков-стигм свидетельствует о невысоком социальном статусе, в ряде случаев достойным порицания. Происходящее таким образом «маркирование» основываться может как на индивидуальных признаках, так и на культурных, конфессиональных, этнических и прочих особенностях. Иными словами, стигматизация — это результат сложных процессов социального взаимодействия в обществе и в сознании отдельных людей [1; 2].

Стигматизация зависит от степени социальной зрелости группы / общности, осознания в их рамках индивидуальности отдельных членов. Чем она выше — тем ниже как значение стигмы, так и её влияние на конкретного человека [2].

В науку данное понятие было введено Э. Гоффманом в работе «Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity» 1963 г. Данная работа стала отправной точкой последующих исследований в рамках психологии, социологии, философии, культурологии.

Источником стигматизации выступают культурные императивы, закреплённые в обществе и нормирующие поведение его отдельных членов. Они не являются постоянными и могут изменяться во времени, порождая новые стигмы и нивелируя старые. При этом устойчивым остаётся сам базис процесса — какие-либо отличия — индивидуального или группового характеров — формируют сам ярлык-стигму. В индивидуальном плане это могут быть особенности физического или психологического характеров. В групповом же — принадлежность к определённой профессии, конфессии, этносу, расе. В любом случае, навязывание стигмы под давлением общества приводит к формированию индивидуумом устойчивой модели поведения в социуме [1].

Сила стигматизации, как и процесс в целом, величина непостоянная. Она снижается по мере возрастания внутренней регуляции социума — возрастания роли индивидуальности и снижения, соответственно, внешней — общественной регуляции [2].

Стигму можно разделить на три вида: позитивная, нейтральная, негативная. Первый вид утверждает достоинства человека или группы, неся положительную коннотацию. Второй не вызывает отторжения, фиксируя лишь особенности, «консервирует» их в виде социальной маркировки. Особенностью данного вида является выраженная возможность перехода в другие. Негативный вид стигм самый распространённый. Он отображает неприятие человека или группы в силу определённых, притом не обязательно опасных или девиантных черт. Это неприятие может продуцировать отчуждение со стороны социума и преступное (деликветное) поведение со стороны стигматизируемых [1].

Стигматизация, порождая отчуждение, может приводить к социальным конфликтам, острота которых тем выше, чем выше несоответствие стигматизируемых господствующим социальным и культурным императивам. Таким образом, субъективный статус может приводить к объективному — и негативным — последствиям, неформально ограничивая социальные возможности, «раскалывая» социум. Необходимо также отметить, что стигма существует всегда в социокультурном пространстве, а через него находят отражение на конкретных территориях.

2. СТИГМАТИЗАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ АСПЕКТЕ

Пространственное проявление изучаемых негативных проявлений социального неравенства находит свое отражение в концепции территориальной стигматизации. По своей сути это синтетическая концепция, основанная на теории стигмы как дискредитирующего различия Гоффмана и теории символической власти Бурдьё. Первая базируется на оценке локалитета со стороны общества, вторая же — со стороны власти. В результате происходит переформатирование пространства с символической оценкой отдельных территорий как «порочных» [3], происходящее под влиянием отдельных социальных группы, присваивающие эти — уже территориальные, а не социальные, — стигмы-ярлыки.

Территориальная стигматизация также имеет нестатичный характер, это не нейтральный процесс, а косвенная и вредная форма действия посредством коллективных оценок, закреплённых общественным сознанием на каком-либо месте. Фиксируя характерные свойства и механизмы действия, концепция территориальной стигматизации расширяют наше эмпирическое понимание роли символических структур в производстве (воспроизводстве) неравенства и маргинальности, и кроме того, обогащает наше теоретическое понимание гибких связей между социальным пространством, символическим пространством и физическим пространством [3], подчёркивая парадоксальную особенность современного возрастания значения субъективных факторов в социально-экономическом развитии.

Стигматизация конкретной территории имеет различную оценку со стороны внешней среды — это инструмент контроля и доминирования, и внутренней — это интегративный и защитный механизм, обеспечивающий уменьшение социального расстояния и увеличение сплочённости данной социально-территориальной общности (последнее объясняет почему жители стигматизированных зон иногда отвергают проекты их преобразования [4]). Территориальная стигматизация утверждает, что именно символическое представление и определяет популярное восприятие стигматизируемого пространства как «запретной зоны», а его жителей — как «изгоев». Это, в свою очередь, обеспечивает социальное и пространственное разделение вплоть до сегрегации. Таким образом, именно символическое определение территориальной стигматизации, закрепляемой в пространстве, создаёт пагубные последствия, особенно в тех случаях, когда эти искажения формируют политику (институционализируются). При этом,

формируемая политика основывается не на объективных оценках, а распространенных субъективных представлениях [5]. Как пример из отечественной истории здесь можно отметить кампанию по ликвидации «неперспективных» сельских населённых пунктов.

Подобную практику можно характеризовать как стигматизацию «сверху» — под влиянием государственной власти [6], научных кругов, СМИ [7; 8]. Однако данный процесс может катализироваться и «снизу» — через повседневные социальные практики, взаимодействия и оценки. В любом случае, формирование территориальной стигматизации происходит в три этапа:

- закрепление территории;
- распад сообществ на территории;
- последующая потеря систем социальной поддержки [6].

На первом этапе происходит территориальная фиксация социально-закреплённой стигмы. Субъективная оценка становится выраженной характеристикой.

Второй этап характеризуется ослаблением социальных связей с последующей деградацией социально-территориальной общности. Усиливается данный процесс и ускорением миграции со стигматизируемой территории, притом происходит потеря наиболее активной части населения. Статус стигмы возрастает вплоть до негативной оценки и самими жителями.

Третий этап финализирует негативную общественную оценку, переводя вследствие оттока активного и образованного населения территорию в маргинальные с повышением девятного и деликвентного поведения её жителей. Проживающие же вне стигматизируемой территории ещё в большей мере её оценивают, как зону-аутсайдер, что может закрепляться политически через меньшую её поддержку посредством программ и инициатив по развитию.

Источники возникновения ярлыка могут быть различными — социальный состав жителей, этнический состав, геоположение, особенности рельефа, специфика поведения местных жителей и т. д. Часто выявить одну конкретную причину невозможно. Однако стигма оказывает непосредственное воздействие на жителей территории, например, когда при поиске ими работы или запросе кредита — в дополнение к негативным последствиям самого процесса, который имеет тенденцию разрушать местный социум и усиливать криминализацию. Необходимо понимать, что, хотя источники могут быть идентифицированы, стигма продолжает оказывать автономный эффект, даже когда они всё менее значимы или вообще исчезли [6].

Исследователи отмечают следующие общие характеристики стигматизированных территорий:

- 1) связываются с бедностью, отсутствием выраженных социальных связей, уличной преступностью;
- 2) негативный статус в региональном и национальном масштабах — они становятся печально известными по всем региону и стране в качестве синонимов социального ада;
- 3) формирование «социальных отстойников» — гетто, в результате их

регулярно называют «геттоизвестными»;

4) гипернегативная оценка — различия преувеличиваются и воспринимаются как противоречащие национальным ценностям, в то время как позитивные инициативы и новости преуменьшаются.

Наконец, они вызывают негативные эмоции и корректирующие реакции, в совокупности приводящие к социальному отчуждению от таких территорий («реакция избегания») [3; 9].

Иными словами, стигматизируемые территории становятся зонами социального напряжения, притом независимо от причин своего образования. Это требует эффективных мер, направленных на преодоление — или значимое снижение — столь негативного статуса. Таких мер можно выделить три:

- полная реконструкция;
- создание мультиэтнических районов;
- символическая «перестройка» территории её жителями.

Полная реконструкция — самый затратный, однако наиболее быстрый способ преодоления территориальной стигматизации. Вместо печально известного социального гетто создаётся новый жилой район, лишённый негативных ярлыков. Фактически, данная мера — синоним джентрификации, проявляющейся в большинстве крупных городов мира. Как пример, можно привести Regent Park в Торонто, первый и крупнейший государственный жилой комплекс Канады, который был снесён и кардинально перестроен, чтобы освободить место для этнически разнородного сообщества со средним уровнем доходов [4].

Создание мультиэтнических районов базируется на фундаменте мультикультурализма, предполагающего для устранения сегрегации создание районов со смешанными этническими группами. Считается, что эта форма сосуществования защищает, с одной стороны, группы меньшинств и сам район от стигматизации, а с другой стороны, она может способствовать поддержке социальных групп путём укрепления социальных сетей взаимодействия [10; 11].

Последняя из мер — символическая «перестройка» территории её жителями — наиболее сложна и медленно действующая в силу своего субъективного характера. К тому же, как уже отмечалось, стигма довольно устойчива и даже после нивелирования своей причины формирования она может продолжать существовать. И этот негативный субъективный статус территории будет продолжать тормозить объективное экономическое развитие, соответственно — и социальное. В силу такого аморфизированного характера, данную меру следует рассматривать не как единую тактику, а как совокупность различных подходов. Специалисты выделяют три таких: «усвоение стигмы», «контрстигматизирующие образы», социальный «конструкт» вне стигмы. «Усвоение стигмы» не предполагает покорность судьбе и негативному статусу, а основывается на внутреннем социальном единстве, часто характеризующим стигматизированные зоны [3]. Иными словами, гетто-трущобы воспринимаются не «социальным отстойником», со всеми присущими ему негативными особенностями — они постулируются как социальное пространство с имиджем, позволяющим рассчитывать на перспективы в жизни. «Контрстигматизирующие образы» — этот подход основывается на «самоанализе»,

в котором пространство описывается с точки зрения тех, кто в нём живёт. Это сближает его с первым подходом. Однако, в отличие от него, стигму «еренаправляют» в позитивные идентичности, противопоставляемые мнению и оценке большинства. Жители, таким образом, используют эту стратегию, чтобы отстаивать свое «право на различия» [12]. Социальный «конструкт» вне стигмы базируется на формировании оценки территориальных ярлыков «снаружи», экзогенно. Подход использует различные оценки и образы, чтобы бросить вызов текущему пространственному порядку и открыть возможности для нивелирования стигмы [13].

Необходимо отметить, что символическая «перестройка» территории её жителями характерна для развитых стран, имеющих развитое гражданское общество, плюрализм мнений, примат современных традиций и установок над традиционными. В развивающихся же странах в силу действия трайбализма, главенства этнических, культурных, религиозных особенностей над социумом и личностью, такая «перестройка» пространства невозможна либо возможна на ограниченный период решением властей.

Реальность территориальной стигматизации вкупе с её устойчивым характером актуализировали исследования в этой сфере. В результате данные исследования выступают значимым элементом современных общественно-географических исследований.

3. СТИГМАТИЗАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Данные исследования имеют мультимасштабный подход, с основным фокусом на локальном уровне. Большинство работ рассматривает именно его в связи с символической фиксацией на конкретных локалитетах. В то же время, нельзя не отметить исследования, рассматривающие национальный и региональный уровни. На первом исследовалась проблематика стигматизации, её символическое отображение в социуме, использование как инструмента влияния на центральное руководство для реконструкции и привлечение инвестиций применительно к Центральной Азии [14]. На втором фокусировалось внимание на возможности предотвращения стигматизации в условиях формирования мультиэтнических районов, создающих основу для социальных взаимодействий в условиях смешанных общин [10]; особенностях и последствиях закрепления негативных стигм «отсталых», «убывающих», «неконкурентоспособных» сельских территорий Венгрии в контексте регионального развития [15]; отображения стигматизации для небольших городов Германии [16].

Но как уже указывалось, основным территориальным уровнем исследования выступает локальный. Во многом базисом этого выступает высокий и длительный миграционный приток из развивающихся в развитые страны, осложнённый демографической ситуацией, политическими проблемами, и, часто — полярными интересами мигрантов и коренных жителей вкупе с разнородностью религиозных и культурных традиций. Вместе это продуцирует основу территориальной

стигматизации, символически «привязанной» к отдельным кварталам и районам. Среди таких исследований можно выделить: исследование жилого комплекса Regent Park в Торонто до его коренной реконструкции — в контексте отражения положительных сторон территории «концентрированной бедности» и сопротивления негативным оценкам местных жителей [3]; стратегии «переформативания» стигматизируемого пространства, используемые местными жителями в Неме, Берлине, пригородах Парижа, Брэтфорде, а также специфика этих территорий, их внутренняя и внешняя символическая оценка [9; 12; 13; 17]. Необходимо отметить, что эти исследования охватывали незначительные отрезки времени (чаще всего фиксация касалась настоящего времени). Наиболее же продолжительное по временному охвату исследование касалось Детройта и охватывало период с 1950-х по 2010-е годы. В результате были выделены сложные корни территориальной стигмы (решения властей, СМИ, навязывание негативного статуса самим обществом), воспроизводство и усиление социального неравенства в городских районах в течение длительного времени, что приводит не только к формированию «районов изгнания», а уже «городов изгнания», примером которых является Детройт. Особо отмечается, что этническая стигматизация распространяется на районы проживания стигматизируемых этнических групп [6]. Последнее применительно к цыганам постсоциалистической Румынии также исследовалось [5].

Все эти исследования можно характеризовать как синтез и развитие идей в триаде связей: символического пространства, социального пространства, физического пространства в «нижней части» городского социума.

Для координации исследовательских усилий и репрезентации разработок по тематике территориальной стигматизации был проведён ряд научных мероприятий: семинар в 2010 г. в Эдинбургском университете, международный симпозиум «Территориальная стигматизация» в Университете Порту в 2011 г., конференция «Городская маргинальность и государство» в Коллеж де Франс в Париже в 2012 г. В 2014 г. вышел тематический выпуск журнала «Environment and Planning A» по данной тематике [3].

Таким образом, в последнее десятилетие произошёл методологический «дрейф» тематики стигматизации от социальных исследований к пространственным, усиливая социальный аспект общественно-географических исследований и позволяя им полнее отображать территориальную проекцию современного сложного социума.

4. ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТИГМАТИЗАЦИИ

Именно эта сложность и обусловила исследование стигматизации. Включая наряду с объективными факторами и явлениями также и субъективные, общественно-географические исследования формируют новые «исследовательские рубежи», позволяющие от теоретических построений переходить к фиксации сложной реальности современного мира.

Кроме того, уже отмечается как определённый недостаток новых исследований по актуальным проблемам социальной географии — «не получили пока должной

экономико-географической интерпретации и рельефно проявившиеся на постсоветском пространстве территориально-социальное неравенство, бедность, дефициты в развитии социальной инфраструктуры, различного рода социальные патологии (алкоголизм, наркомания)» [18, С. 135], так и относительно небольшое число самих социально-географических исследований в нашей стране [19, 20]. В этой связи, относительно новый процесс территориальной стигматизации, тем не менее, объективно существующий и проявляющий себя в пространстве видится перспективным «полем» социально-географических исследований.

Неотъемлемой частью современного пространственного развития в России является процесс периферизации, также включающий и стигматизацию. Под первым понимается пространственное расширение периферийных территорий, сопровождаемое негативными социально-экономическими процессами и их нисходящей динамикой [21]. По своей сути, это процесс «воспроизводства» периферий через механизмы миграции, деградации, многоаспектного роста зависимостей, фрагментации экономической активности [22], которые приводят к ослаблению и торможению на неопределённо-длительный срок социально-экономического развития территории своего проявления [23]. Периферизацию также характеризует растущая зависимость слаборазвитых территорий от своих центров [24, 25].

Под действием объективных и субъективных факторов (геоположение, физико-географические условия и ресурсы, расстояние — в широком его понимании и т. д.), а также в результате взаимоналожения процессов унаследованного советского импульса и формирования рыночной экономической системы процесс периферизации в России резко усилился. В результате большая часть территории страны фактически превратилась в периферию, что повлекло за собой экономический застой и социальную деградацию. Подобные зоны сместились со своих «традиционных» мест — удалённых с низким качеством человеческого капитала и слабой транспортной связанностью территорий, приблизившись географически и функционально к действующим центрам [26].

В исследованиях по тематике периферизации отмечается, что изучение процесса формирования и функционирования периферий должно учитывать, как влияние негативных социально-экономических процессов, так и роль стереотипных образов [21] — негативное восприятие территории местными жителями в совокупности с аналогичным восприятием территории со стороны других. Иными словами, территориальная стигматизация — процесс по сути своей субъективный, сближается до смешивания с процессом периферизации — по большей части объективным. Что выступает причиной, а что следствием — это вопрос уже конкретных исследований локалитетов, однако подобное единство не должно игнорироваться исследователями. Этот сложный феномен современности — влияния субъективного на объективное в социально-экономическом развитии, соответственно — и на неоднородность пространственного развития, позволяет анализировать сложные процессы диспаратетов этого развития, для целого ряда стран и регионов приобретающие выраженный проблемный характер. Среди таких процессов, включающих стигматизацию, можно в дополнении к периферизации

отметить: поляризацию, метрополизацию, маргинализацию, сегрегацию городского пространства. Рассмотрим их подробнее. Поляризация имеет объективную основу, однако может дополнительно усиливаться и пролонгироваться субъективными факторами — действиями властей, отдельных фирм и бизнес-структур. Метрополизация, способствуя формированию национальных и наднациональных центров, во многом сходна с поляризацией (концентрация, лидерство небольшого локалитета, усиление социальной стратификации и т.д.), однако в силу ряда различий (субъективно-объективный характер в противовес поляризации, «властоцентричность», рента геоположения и др.) это различные процессы [27], формирующие тем не менее стигматизационный процесс. Маргинализация выступает последствием периферизации, в результате чего территория «исключается» из общего процесса развития. Подобное «исключение» не всегда объективно, и, в то же время, оно может пролонгироваться доминирующим негативным «образом» такой территории. На уровне городов частым следствием процессов неравномерности пространственного развития выступает сегрегация городского пространства — и здесь необходимо учитывать субъективный фактор престижности/непрестижности отдельных районов и кварталов, формируемый территориальной стигматизацией. Отмечается её длительный характер действия, расширение при одновременной внутренней концентрации, что способствует фактической устойчивой сегрегацией внутригородского пространства, маркерами которого могут быть и уровень доходов, и комфортность проживания, и предоставляемые возможности [28–30].

Необходимо ещё раз подчеркнуть — сходство данных процессов диспаритетов пространственного развития и стигматизации довольно высокое, вплоть до слияния. Однако игнорирование процесса территориальной стигматизации в силу этого или принадлежности его к гуманитарным наукам контрпродуктивно, т.к. сужает «исследовательское поле» общественно-географических исследований и затрудняет адекватный анализ сложных пространственных процессов.

ВЫВОДЫ

Сложность современного социума и порождаемого им диспропорций и особенностей социально-экономического развития требует привлечение новых теорий и концепций, творческое заимствование методологии из различных наук. Только такой синтетический характер исследований позволяет анализировать глобальный мир во всей его сложности. Она дополнительно усиливается возрастанием субъективных факторов развития — среди которых одну из ведущих ролей играет формирование негативного образа, имиджа отдельных территорий, приобретающий устойчивый и выраженный характер. На раскрытые этого сложного механизма и направлена теория территориальной стигматизации, вобравшей в себя теорию стигмы как дискредитирующего различия Гоффмана и теорию символической власти Бурдьё, и, получившая в начале 21 в. новый импульс своего развития. Потенциально — это не только новое «поле» общественно-географических исследований, но и фундамент изучения рельефно проявивших себя

процессов пространственного неравенства.

Список литературы

1. Липай Т. П., Мамедов А. К. Стигматизация как социальный феномен (методология исследования) // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. 2011. № 1. С. 7.
2. Липай Т. П., Мамедов А. К. Социальная стигматизация: социокультурные аспекты // Труд и социальные отношения. 2008. № 11 (53). С. 43–53.
3. Wacquant L., Slater T., Pereira V. B. Territorial stigmatization in action., *Environment and Planning A*. 2014. vol. 46. pp. 1270–1280.
4. Nayak A. Re-scripting place: managing socialclass stigma in a former steel making region., *Antipode*. 2019. vol. 51. no. 3. pp. 927–948.
5. Crețan R., Powell R. The power of group stigmatization: wealthy Roma, urban space and strategies of defence in post-socialist Romania., *International journal of urban and regional research*. 2018. vol. 42 (3). pp. 423–441.
6. Kornberg D. The structural origins of territorial stigma: water and racial politics in Metropolitan Detroit, 1950–2010 s., *International journal of urban and regional research*. 2016. vol. 40 (2). pp. 263–283.
7. Glasze G., Pütz R., Germes R., Schirmel H., Brailich A. ‘The same but not the same’: the discursive constitution of large housing estates in Germany, France, and Poland., *Urban Geography*. 2013. vol. 33 (8). pp. 1192–2111.
8. Larsen T. S. Copenhagen’s West End a ‘paradise lost’: the political production of territorial stigmatization in Denmark., *Environment and Planning A*. 2014. vol. 46 (6). pp. 1386–1402.
9. Sullivan P., Akhtar P. The effect of territorial stigmatisation processes on ontological security: a case-study of Bradford politics., *Political Geography*. 2019. vol. 68. pp. 46–54.
10. Léphaft Á., Németh Á., Reményi P. Ethnic diversity and polarization in Vojvodina., *Hungarian Geographical Bulletin*. 2014. vol. 63 (2), pp. 135–157.
11. Gijssels M., Van der Meer T., Dagevos J. ‘Hunkering Down’ in Multi-ethnic Neighbourhoods? The Effects of Ethnic Diversity on Social Cohesion., *European Sociological Review*. 2012. vol. 28 (4). pp. 527–537.
12. Garbinz D., Millington G. Territorial stigma and the politics of resistance in a Parisian banlieue: la courneuve and beyond., *Urban Studies*. 2012. vol. 49 (10). pp. 2067–2083.
13. Kirkness P. The cités strike back: restive responses to territorial taint in the French banlieues., *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2014. vol. 46 (6). pp. 1281–1296.
14. Stronski P. Tashkent: Forging a Soviet City, 1930–1966. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010. 350 p.
15. Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization. Perspectives from Central and Eastern Europe and Beyond., (eds.) Thilo Lang, Sebastian Henn, Wladimir Sgibnev, Kornelia Ehrlich. 2015. 352 p.
16. Bürk T. Voices from the margin: The stigmatization process as an effect of socio-spatial peripheralization in small-town Germany., (eds.) Fischer-Tahir A., Naumann M. *Peripheralization. The Making of Spatial Dependencies and Social Injustice*. Wiesbaden: Springer VS, 2013. pp. 168–186.
17. Cuny C. Residents’ responses to ‘territorial stigmatization’: Visual Research in Berlin., *International journal of urban and regional research*. 2019. vol. 43(5). pp. 888–913.
18. Дружинин А. Г. Развитие российской общественной географии: тренды, проблемные ситуации, приоритеты // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 127–140.
19. Анохин А. А., Кузин В. Ю. Актуальные вопросы социально-географических исследований // Известия РГО. 2018. Т. 150. Вып. 2. С. 72–86.
20. Агирречу А. А. Структура и динамика защит диссертаций по социально-экономической географии в России в 2000-е годы // Региональные исследования. 2014. № 1 (4). С. 145–153.
21. Анохин А. А., Кузин В. Ю. Подходы к выделению периферии и периферизация в пространстве современной России // Известия РГО. 2019. Т. 151. Вып. 1. С. 3–16.
22. Kühn, M., Weck, S. Peripherisierung — ein Erklärungsansatz zur Entstehung von Peripherien., (eds.) Bernt M., Liebmann H. *Peripherisierung, Stigmatisierung, Abhängigkeit?* Wiesbaden: VS Verlag, 2013. pp. 24–46.
23. Keim K.-D. Peripherisierung ländlicher Räume, Aus Politik und Zeitgeschichte. 2006. no. 37. pp. 3–7.
24. Stigmatisierung, Abhängigkeit? Deutsche Mittelstädte und ihr Peripherisierung, Umgang mit Peripherisierungsprozessen, (eds.) Bernt M., Liebmann H. Wiesbaden: Springer, 2013. 231 p.
25. Komlosy A. An den Rand gedrängt: Wirtschafts- und Sozialgeschichte des oberen Waldviertels, Österreichische Texte zur Gesellschaftskritik. Wien: Verlag für Gesellschaftskritik, 1988. Bd. 34.

26. Кузин В. Ю. Периферизация как тренд пространственного развития России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2019. Т. 5. № 2. С. 11–25.
27. Кузин В. Ю. Процесс метрополизации современной России в контексте поляризации // Псковский регионологический журнал. 2019. № 1 (37). С. 33–45.
28. Breau S., Shin M., Burkhart N. Pulling apart: new perspectives on the spatial dimensions of neighbourhood income disparities in Canadian cities, *Journal of Geographical Systems*. 2016. vol. 20. pp. 1–25.
29. Geyer H. S., Geyer H. S. Jr. Polarisation reversal in South Africa: How widespread is the trend? *South African Geographical Journal*. 2016. Vol. 98, iss. 2. pp. 289–307.
30. Pérez M. R. Segregación en las metrópolis españolas 2001–2011: un análisis con detalle territorial, *Documents d'Anàlisi Geogràfica*. 2020. vol. 66/1. pp. 83–105.

STIGMATIZATION — THE BASIS AND PROSPECTS FOR STUDYING THE PROCESS IN SOCIO-ECONOMIC RESEARCH

Kuzin V. Yu.

*M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation
E-mail: vadim-13.06@yandex.ru*

The article examines such a social phenomenon as stigmatization. In fact, this is a process of marking and branding, which manifests itself in the modern world in a spatial aspect.

Initially, stigmatization was studied within the framework of psychology, philosophy, sociology. Social sciences formed the basis for studying the process: sources of formation, the power of influence, types of stigma, its possible consequences. Existing in the sociocultural space, it manifests itself in the geographical space.

The features of this manifestation are investigated within the framework of the concept of territorial stigmatization. It, being synthetic, actually reflects the specific mechanisms of the increase in subjective factors in socio-economic development. At the same time, the formation of stigma is possible both "from above" — by the decision of the authorities and the media, and "from below" — through constant social assessments and interactions. In any case, the formation of territorial stigmatization proceeds in three stages: the consolidation of the territory, the collapse of communities, the loss of social support systems.

Despite the differences in the sources of stigma formation, these territories have specific common features that are negative in nature. This is the connection of such zones with crime, and the negative status at different levels (national, regional), and the formation of ghettos, and hypernegativity in assessments.

It is extremely difficult to overcome such a negative status, although the researchers identify three main measures: complete reconstruction; creation of multi-ethnic areas; symbolic "restructuring" of the territory by its inhabitants. The speed and the possibility of practical implementation in this case fall from the first to the last measures. In addition, countries with a modernized, developed civil society have more opportunities to smooth out territorial stigma than countries that develop due to the dominance of traditions over personality and tribalism.

Research on stigma is conducted at different territorial levels, from national to local. Each of them has its own characteristics and specificity. However, due to the concretization of manifestation, the main level is the local one. This is also actualized by the modern features of the global world (long-term migration inflow from developing countries to developed

countries, change in the demographic model in the latter, etc.). These studies are characterized as the synthesis and development in a triad of connections of such ideas as symbolic space, social space, physical space of the “lower part” of the urban society.

Despite the seeming amorphousness of such studies, this opens up new research opportunities within the framework of social geography. Indeed, one of the paradoxes of the modern world is the growing importance of subjective factors of socio-economic development. Ultimately, this catalyzes the spectrum of processes of uneven spatial development — peripheralization, polarization, metropolisation, marginalization, segregation. All of them inevitably include either separate elements of territorial stigmatization, or the process as a whole.

Thus, it can be noted that stigmatization in the spatial aspect is now both a promising direction of socio-geographical research, and the basis for the study of complex processes of spatial inequality.

Keywords: stigmatization, society, factor, subjectivity, research, development, space, polarization, segregation, human geography.

References

1. Lipay T. P., Mamedov A. K. Stigmatizacija kak social'nyj feno. men (metodologija issledovanija) (Stigma as a social pheno. meno. n (research methodology)., Actual inno. vative research: science and practice, 2011, no. 1. pp. 7. (In Russian).
2. Lipay T. P., Mamedov A. K. Social'naja stigmatizacija: sociokul'turnye aspekty (Social stigmatization: sociocultural aspects)., Labor and social relations, 2008, no. 11 (53). pp. 43–53. (In Russian).
3. Wacquant L., Slater T., Pereira V. B. Territorial stigmatization in action, *Environment and Planning A*. 2014. vol. 46. pp. 1270–1280.
4. Nayak A. Re-scripting place: managing social class stigma in a former steel making region, *Antipode*. 2019. vol. 51. no. 3. pp. 927–948.
5. Crețan R., Powell R. The power of group stigmatization: wealthy Roma, urban space and strategies of defence in post-socialist Romania, *International journal of urban and regional research*. 2018. vol. 42 (3). pp. 423–441.
6. Kornberg D. The structural origins of territorial stigma: water and racial politics in Metropolitan Detroit, 1950–2010 s., *International journal of urban and regional research*. 2016. vol. 40 (2). pp. 263–283.
7. Glasze G., Pütz R., Germes R., Schirmel H., Brailich A. ‘The same but no. t the same’: the discursive constitution of large housing estates in Germany, France, and Poland., *Urban Geography*. 2013. vol. 33(8). pp. 1192–2111.
8. Larsen T. S. Copenhagen’s West End a ‘paradise lost’: the political production of territorial stigmatization in Denmark, *Environment and Planning A*. 2014. vol. 46 (6). pp. 1386–1402.
9. Sullivan P., Akhtar P. The effect of territorial stigmatisation processes on ontological security: a case-study of Bradford politics, *Political Geography*. 2019. vol. 68. pp. 46–54.
10. Léphaft Á., Németh Á., Reményi P. Ethnic diversity and polarization in Vojvodina, *Hungarian Geographical Bulletin*. 2014. vol. 63 (2), pp. 135–157.
11. Gijsberts M., Van der Meer T., Dagevos J. ‘Hunkering Down’ in Multi-ethnic Neighbourhoods? The Effects of Ethnic Diversity on Social Cohesion, *European Sociological Review*. 2012. vol. 28 (4). pp. 527–537.
12. Garbinz D., Millington G. Territorial stigma and the politics of resistance in a Parisian banlieue: la courneuve and beyond, *Urban Studies*. 2012. vol. 49 (10). pp. 2067–2083.
13. Kirkness P. The cités strike back: restive responses to territorial taint in the French banlieues, *Environment and Planning A: Econo. my and Space*. 2014. vol. 46 (6). pp. 1281–1296.
14. Stronski P. Tashkent: Forging a Soviet City, 1930–1966. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010. 350 p.
15. Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization. Perspectives from Central and Eastern Europe and Beyond., (eds.) Thilo Lang, Sebastian Henn, Wladimir Sgibnev, Kornelia Ehrlich. 2015. 352 p.
16. Bürk T. Voices from the margin: The stigmatization process as an effect of socio-spatial peripheralization

- in small-town Germany (eds.) Fischer-Tahir A., Naumann M. Peripheralization. The Making of Spatial Dependencies and Social Injustice. Wiesbaden: Springer VS, 2013. pp. 168–186.
17. Cuny C. Residents' responses to 'territorial stigmatization': Visual Research in Berlin, International journal of urban and regional research. 2019. vol. 43 (5). pp. 888–913.
 18. Druzhinin A. G. Razvitie rossijskoj obshchestvenno. j geografii: trendy, problemnye situacii, priority (The development of Russian social geography: challenges, trends, priorities)., Baltic region, 2015, no. 2 (24). pp. 127–140. (In Russian).
 19. Анохин А. А., Кузин В. Ю. Aktual'nye voprosy social'no. -geograficheskikh issledovanij (Topical issues of socio-geographical research)., Proceedings of the Russian Geographical Society, 2018, vol. 150, issue 2. pp. 72–86. (In Russian).
 20. Aguirrechu A. A. Struktura i dinamika zashhit dissertacij po social'no. -jekono. micheskoj geografii v Rossii v 2000-e gody (Structure and dynamics of Phd-theses on social and economic geography in Russia in the 2000th years)., Regional Studies, 2014, no. 1 (4). pp. 145–153. (In Russian).
 21. Анохин А. А., Кузин В. Ю. Podhody k vydeleniju periferii i periferizacija v prostranstve sovremenno. j Rossii (Approaches to the allocation of periphery and peripheralization in the spatial development of modern Russia)., Proceedings of the Russian Geographical Society, 2019, vol. 151, issue 1, pp. 3–16. (In Russian).
 22. Kühn, M., Weck, S. Peripherisierung — ein Erklärungsansatz zur Entstehung von Peripherien., eds. Bernt M., Liebmann H. Peripherisierung, Stigmatisierung, Abhängigkeit? Wiesbaden: VS Verlag, 2013. pp. 24–46. (In German).
 23. Keim K.-D. Peripherisierung ländlicher Räume, Aus Politik und Zeitgeschichte. 2006. no. 37. pp. 3–7. (In German).
 24. Stigmatisierung, Abhängigkeit? Deutsche Mittelstädte und ihr Peripherisierung, Umgang mit Peripherisierungsprozessen, (eds.) Bernt M., Liebmann H. Wiesbaden: Springer, 2013. 231 p. (In German).
 25. Komlosy A. An den Rand gedrängt: Wirtschafts- und Sozialgeschichte des oberen Waldviertels, Österreichische Texte zur Gesellschaftskritik. Wien: Verlag für Gesellschaftskritik, 1988. Bd. 34.
 26. Kuzin V. Yu. Periferizacija kak trend prostranstvenno. go razvitija Rossii (Peripheralization as a trend of spatial development of Russia)., Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Geography. Geology, 2019, vol. 5, no. 2. pp. 11–25. (In Russian).
 27. Kuzin V. Yu. Process metropolizacii sovremenno. j Rossii v kontekste poljarizacii (Metropolisation process of contemporary Russia in the context of polarization)., Pskov Regional Journal, 2019, no. 1 (37). pp. 33–45. (In Russian).
 28. Breau S., Shin M., Burkhart N. Pulling apart: new perspectives on the spatial dimensions of neighbourhood income disparities in Canadian cities, Journal of Geographical Systems. 2016. vol. 20. pp. 1–25.
 29. Geyer H. S., Geyer H. S. Jr. Polarisation reversal in South Africa: How widespread is the trend? South African Geographical Journal. 2016. vol. 98, issue 2. pp. 289–307.
 30. Pérez M. R. Segregación en las metrópolis españolas 2001–2011: un análisis con detalle territorial, Documents d'Anàlisi Geogràfica. 2020. vol. 66/1. pp. 83–105.

Поступила в редакцию 30.12.2020.